

Русская германистика о проблемах культуры в австрийском романе

(А. Штифтер, Г. Брох, Р. Музиль)

In der russischen Germanistik werden die poetischen Welten von Stifter, Musil und Broch vom Standpunkt der kulturhistorischen Konzepte ihrer Schöpfer erforscht. Das Interesse für kulturhistorische Problematik erweist sich als gattungsbestimmend für ihre Romankunst.

Die für diese Schriftsteller gemeinsame Problematik.

Trotz der vorhandenen Originalität der künstlerischen Welt von Stifter_ Musil und Broch macht sie das Vorhandensein der vollkommenen Kulturkonzeption verwandt, die ihre Widerspiegelung sowohl in den künstlerischen Texten, als auch in den Essays, Artikeln fand. In der russischen Germanistik werden die Konzeptionen der Kulturentwicklung zum Gegenstand der selbstständigen wissenschaftlichen Forschung im Rahmen des Gespräch über ihr Schaffen. Dieser Artikel hat das Ziel, den allgemeinen Problemkreis zu bestimmen, den die Autoren und später die Forscher stellen.

Ряд авторов, заявленных в теме, сам по себе представляет проблему для литературоведения. Каждый из них представляет собой определенный этап в развитии австрийской литературы, имеет своих последователей, занимает свою нишу в истории мирового литературного процесса. Каждый является также предметом существенного интереса исследователей, изучение его произведений зачастую требует уникального литературоведческого инструментария. Можно говорить о сложившемся круге исследователей и подходов к творчеству каждого из заявленных писателей отдельно. Всплеск интереса к австрийской литературе пришелся на начало девяностых годов,

когда вышли монографии Н.А. Хрусталевой («Трилогия «Лунатики» в творчестве Германа Броха») и А.В. Белобратова («Роберт Музиль: Метод и роман»). Были защищены диссертации по творчеству Штифтера (Л.Н. Полубояриновой — «Позднее творчество А. Штифтера»), Музиля (С.М. Казначеев — «Австрийская идея в романе Р. Музиля «Человек без свойств», Е. И. Кузнецовой — «Роберт Музиль и театр»), Броха (А.В. Ерохина — «Эволюция жанра романа в позднем творчестве Германа Броха», А.А. Стрельниковой — «Раннее творчество Германа Броха»). По творчеству Штифтера, Броха и Музиля с начала 90-х годов активно выходят статьи — помимо названных авторов — А.В. Белобратова («Проблема литературного характера в австрийском романе 1930-х годов: Музиль, Брех, Канетти», «Концепция культуры в творчестве Роберта Музиля» 1991, «Фридрих Ницше в дневниках Роберта Музиля» 1993, «Музиль и Витгенштейн» 1998), К.Г. Исупова («Роман-эпитафия» 1991), Н.А. Хрусталевой («Роман Германа Броха «Неизвестная величина» и «новая деловитость» 1991), А.Г. Березиной («Герман Брех и Владимир Набоков в зеркале цитаты» 1994), Г.А. Лошаковой («Концепция природы и человека в малой прозе Штифтера» 1994, «Мотивы сентиментальной идиллии в творчестве А. Штифтера» 1996, «Традиции немецкого романтизма в творчестве Штифтера» 1996, «Тема путешествия в новеллистике Штифтера» 1997 и др.), А.В. Ерохина (Теория романа у Германа Броха и Хаймито фон Додерера» 1994), В.Ф. Ульяниной («О некоторых приемах ретроспекции в современной интеллектуальной немецкоязычной прозе» 1998), М. И. Бента («Герман Брех о литературе» 1998), А.А. Пушкаревой («Трагический герой в современном мире», о Музиле, 1999) Н.С. Павловой («Уроки Музиля: Поэтика романа “Человек без свойств”» 2000). О неслучайности этого интереса говорит тот факт, что он оказался общим для разных наук и отраслей исследования. С начала девяностых годов не менее активно появляются исследования по лингвистике, опирающиеся на тексты наиболее значительных австрийских авторов (например, докторская диссертация В. Т. Малыгина «Австрийская

фразеология в социокультурном аспекте» 1999 или кандидатская Солодиловой И. А. «Скрытые смыслы и их языковое выражение в словесно-образной системе Роберта Музиля» 2000). История австрийской философии, и в особенности, философии языка становится объектом внимания российских философов (можно назвать работы Е.Н. Суздалева об Алексисе Мейнонге¹, статьи Е.А. Чичневой «Личный язык и проблема «чужих сознаний» в философии позднего Витгенштейна», Т.А. Федяева «Людвиг Витгенштейн и Карл Краус», монографию Е. С. Черепановой «Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе»²). Наконец, именно в начале девяностых годов выходит единственное полное учебное пособие по истории Австрии, тиражом – 300 экземпляров: М.А. Полтавский «История Австрии: Пути государственного и национального развития»³ и два научно-популярные книги об истории австрийской монархии: Я. Шимова⁴ и И. И. Черникова⁵.

Большая часть литературоведческих работ по творчеству Штифтера, Музиля и Броха посвящена проблеме творческой индивидуальности авторов, рассматривает их романы только в ближайшем литературном контексте, в этих исследованиях не ставится задача представить системную картину австрийской литературы. Многогранность, сложность и полисемантность произведений каждого из авторов делает понятным возникновение достаточно широкого спектра непохожих, уникальных исследований, посвященных их творчеству. Совершенно очевидно, например, насколько отличны друг от друга исследования, посвященные творчеству Штифтера: Л. Н. Полубояринова рассматривает эволюцию мировоззрения, избирая в качестве водораздела революцию 1848 года, что позволяет ей продемонстрировать специфику позднего творчества Штифтера, выявить его черты как наследника гетевской традиции, поддержать в отечественном научном обороте понятие бидермайера⁶. Г.А. Лошакова ведет поиск мотивов и моделей, традиционных для сентименталистов и романтиков, которые используются Штифтером в его новеллистике. Н.С. Павлова в предисловии к

русскому изданию «Бабьего лета» рассматривает его преимущественно с точки зрения его воспитательных идей. С. Шлатоперская пишет об уникальности творчества Штифтера, которого нельзя «уложить в какой-нибудь литературный «изм»⁷.

Еще шире спектр проблем, поднимаемых в отношении творчества Р. Музиля: Д.С. Давлианидзе рассматривает ранние произведения Музиля с точки зрения воплощенности в них облика эпохи, её внутренних процессов, Т.А. Свительская основное внимание концентрирует на проблеме человека и жанровой форме музилеского романа как романа-эссе, А.В. Белобратов рассматривает «Человека без свойств» с точки зрения реализованности в нем тех интеллектуальных влияний, которые вбирал или от которых отталкивался автор. Весьма показательно, что за исключением диссертации С.М. Казначеева (««Австрийская идея» в романе Р. Музиля») авторы не стремятся дифференцировать собственно национальные (австрийские) и общегерманские культурные тенденции соответствующего периода. Правда, Н.А. Хрусталева пишет о Брохе: «Писатель нигде не декларирует своей принадлежности к австрийской литературе, действие его произведений происходит, как правило, за пределами Австрии. Тем не менее, творчество Броха неразрывно связано с австрийской литературной традицией»⁸, проблема этой связи оказывается только обозначенной.

На сегодняшний день существует лишь одна монография, представляющая творчество отдельных авторов в системе национальной литературы: «Австрийская литература в XX столетии» Д.В. Затонского. Книга вышла в 1985 году и главная её задача заключалась не столько в том, чтобы представить национальную специфику и выявить общие закономерности литературного развития страны, сколько поставить вопрос о самом факте существования австрийской литературы и наличии специального интереса к ней. При безусловной полновесности и добротной описательности книги каждый автор предстает в ней как своеобразная «вещь в себе». Основу систематизации составляет хронологический принцип –

принцип, дающий автору определенную свободу говорить о творчестве каждого из писателей отдельно.

Вероятно, на смену монографическим исследованиям творчества отдельных писателей Австрии должны прийти попытки построить концепцию литературного процесса и типологии текстов. Думается, такой этап изучения австрийской литературы открывается диссертационным исследованием Н.А. Бакши «Герой-чудак в австрийской и русской литературе 19 века (Грильпарцер, Гоголь, Лесков Розеггер)». Литературные факты выстроены здесь в определенную картину, характеризующуюся этапностью и в то же время преемственностью литературного движения. Через призму героя раскрываются проблемы национальной специфики и эволюции сходной проблематики. Работа демонстрирует широкие возможности, которые открывает перед наукой подобный тип исследования.

Сравнительное изучение творчества Штифтера, Броха и Музиля может помочь соотнести различные тенденции австрийского романа, показать различные грани национального литературного процесса. Многие исследователи, занимающиеся творчеством этих писателей, отмечают сложность литературоведческого анализа в силу подчеркнуто эссеистического характера их романов. Произведения каждого из них философски и публицистически ориентированы. Это, как нам кажется, оправдывает использование не только исключительно литературоведческого инструментария, но и «обратного хода» от философии к литературоведению: от концепции истории и культуры к типологическим схождениям в формах её художественной реализации. Исследования, применяющие подобную методологию, в отечественной германистике есть, они применялись, если не к австрийской, то к немецкой литературе (например, диссертация В. Л. Скуратовского «Проблемы искусства в немецком романе критического реализма XX века»). Продуктивность этого подхода видна в диссертации Д.Л. Чавчанидзе «Феномен искусства в немецкой романтической прозе: Средневековая модель и её разрушение». Философический, по сути, способ

размышления, исходный тезис об актуальности на границе XVIII – XIX веков средневекового убеждения в символическом значении материального мира и необходимости «заново осмыслить взаимоотношения духовного и материального» в силу распада «единства прекрасного и полезного, идеального и сущностного»⁹, дает широкие возможности для построения системной картины романтической прозы, в которой учтены и типология героя, позиция авторов, специфика жанров и т.д.

Совершенно естественно, что в первую очередь в литературоведении приобретает актуальность рассмотрение литературы в плане синхронии: наиболее концептуальной и значительной является в этом смысле монография Т.А. Акиндиновой и Л.А. Бердюгиной «Новые грани старых иллюзий: Проблема мировоззрения и культуры в буржуазной, эстетической и художественной мысли XIX – XX веков». Выдвинутая авторами исследования идея культурологического романа или романа культуры как самостоятельного жанра, особого вида интеллектуального романа, позволяет систематизировать формы экспериментальности произведений Манна, Гессе, Музиля. Цель подобного романа, по утверждению исследователей, – мировоззренческое обоснование культуры. В качестве жанровых признаков этого типа романа рассматриваются, во-первых, критика современной культуры, во-вторых, актуализация классического духовного наследия, в-третьих, проблема мировоззренческого обоснования культурного процесса. Хотя авторы исследования не ставят перед собой цели выявления национальной специфики австрийского «романа культуры», Музиль все же представляется им отличным, поскольку «Манн и Гессе глубоко исследуют художественную практику своего времени, Музиль – нравственную»¹⁰. Данный подход, таким образом, может позволить систематизировать представления о художественной специфике творчества этих авторов и установить традиции и связи, специфические для литературного процесса Австрии.

Рассмотрение романов через призму поэтической реализации в их художественной структуре философско-исторических взглядов автора позволяет выдвинуть гипотезу: А. Штифтер, Г. Брех и Р. Музиль ориентируются на разные модели сознания, связанные с различными историческими эпохами.

Штифтер представляет концепцию циклического развития культуры, в основе которого чередование эпох культурного подъема и собирания естественнонаучных знаний о мире. Он ориентируется на средневековье и античность как наиболее значительные эпохи, обладавшие собственным стилем, сочетавшим Красоту с полезностью. Если современность и не обладает собственным выраженным стилем, является временем переходным и кризисным, то она все же дает две позитивных возможности: сохранения (подведения итога прошлого, обеспечения преемственности) и нового развития, возможно, смены пути (через развитие естественных наук и объединение мира). Таким образом, кризис сам по себе обладает созидательной энергией, содержит позитивные возможности. В рамках целостного сознания героя, обладающего высшим типом мышления – историческим, примиряются разрозненные тенденции современности, Сознательный аскетизм, подчинение индивидуализма и свободы логике приятия действительности, эпическое единство мира позволяют говорить о средневековой ориентированности исторической концепции Штифтера.

Брех, выдвигающий концепцию стремления культуры к целостности и неизбежного разрушения её, использует преимущественно барочные модели сознания, внутри которых мир неизбежно рассыпается на составляющие картины и предметы. Причем последним звеном в цепи ценностей оказывается человек, субъективное восприятие мира которого лежит в основе формирования ценностной системы и чья неопределенность между рациональным и иррациональным способствует её распаду. Отсутствие собственного стиля и орнамента становится принципиальным, так как свидетельствует о распаде связи времен. Цикл развития обладает

завершенностью, и новый отсчет начнется только после исчерпания прежних логических построений.

Музиль выступает против идеи целеполагания в развитии культуры и ставит в центр повествования личность возрожденческого типа. В основе образа главного героя его романа – возможность, вернее множество возможностей, которые воспринимаются, раскрываются и оцениваются через призму «стороннего» героя. «Нечто вроде сказочного персонажа», — как писал сам Музиль в Дневниках. Множественность возможностей делает расплывчатыми границы эпох и сознаний. Прогресс – всегда «оказывается тем, чего никто не хотел» и не поддается периодизации, расщеплению или циклизации.

Эту идею отчасти подтверждают и уже существующие исследования концепции культуры у каждого из писателей.

Прежде всего, необходимо назвать статью Л. А. Бердюгиной «Проблема «искусство и культура» в творчестве Т. Манна, Г. Гессе и Р. Музиля»¹¹. Автор статьи, опираясь на исследование эссеистики Музиля и его роман «Человек без свойств», выделяет такие особенности его художественного мышления, как соединение рационального и иррационального, наделение искусства функциями «лаборатории морали», интерес к вопросам эволюции самого понятия «мораль». Обширностью материала и полнотой отличается статья А.В. Белобратова «Концепция культуры в творчестве Роберта Музиля»¹². Констатируя отсутствие законченной концепции, исследователь выделяет наиболее значимые черты культуры в понимании Музиля: непрерывность, взаимопереплетение, взаимосвязанность того, что принято обозначать как этапы развития культуры и что представляет по Музилю «открытые структуры». В статье рассматриваются наиболее значительные аспекты музильевской философии культуры: осмысление процесса развития и смены культур; сознательное игнорирование противопоставления понятий «цивилизация» и «культура»;

восприятие культуры «не как абстрактного социологического единства», а как «комплексного результата» взаимодействия многих причин.

Немалый интерес, в связи с поднятой проблемой представляет статья К.Г. Исупова «Роман-эпитафия (Образ истории в романе Р. Музиля «Человек без свойств»)»¹³. Культурная и историческая концепция Музиля раскрывается в ней через анализ специфики характеров его героев.

Особой темой, привлекающей внимание исследователей, становится наука, к которой обращается и К.Г. Исупов и, в связи с творчеством Г. Броха, Н.А. Хрусталева (статья «Роман Г. Броха «Неизвестная величина» и «новая деловитость»)»¹⁴. В связи с проблемой отношения Г. Броха к современной литературе и её «натуралистичности», в статье Н.А. Хрусталева анализируется «Распад ценностей» и, таким образом, роман «Неизвестная величина» помещается в контекст интеллектуальных исканий Броха.

К ряду перспективных задач, которые могут быть осуществлены в ходе дальнейшей разработки темы, можно отнести, во-первых, систематизировать культурно-исторические идеи Штифтера, Броха и Музиля, изложенных в их статьях, письмах, эссе и наиболее значительных произведениях, во-вторых, анализ романов «Бабье лето», «Лунатики» и «Человек без свойств» с точки зрения реализации в них соответствующей концепции каждого из авторов; в-третьих, представить литературную традицию, опирающуюся на их концепции.

-
- 1 Суздаев Е.Н. Австрийская философия языка: А. Мейнонг // Структура и методология соврем. заруб. философии: Проблемы исследования и преподавания. – СПб, 1993; Алексиус Мейнонг: теория предметов: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук – СПб, 1991
 - 2 Черепанова Е.С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. – Екатеринбург, 1999
 - 3 Полтавский М.А. История Австрии: Пути государственного и национального развития. В 2-х ч. – М., РАН, 1992
 - 4 Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – М., 2003.
 - 5 Черников И.И. Гибель империи. – М., 2002.
 - 6 Его вводит и разрабатывает А.В. Михайлов. Статья «Искусство и истина поэтического в австрийской культуре середины XIX века» впервые была опубликована в 1976 году. Она содержит

обоснование наиболее существенных признаков бидермайера (гармоничность, поиск ускользающего смысла вещей и т.д.) в том числе и на материале новеллистического творчества Штифтера.

- 7 Шлатоперская С. Несколько слов об Адальберте Штифтере //Ин. лит., 1997, №2. – С. 115
- 8 Хрусталева Н.А. «Лунатики» в творчестве Германа Броха. – Л., 1991. – С. 172
- 9 Чавчанидзе Д.Л. Феномен искусства в немецкой романтической прозе: Средневековая модель и её разрушение: Дисс. на соиск. уч степ. доктора филол наук. – М., 1995. – С. 104
- 10 Акиндинова Т.А, Бердюгина Л.А. «Новые грани старых иллюзий»: Проблемы мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX – XX веков. – Л, 1984. – С.139
- 11 Бердюгина Л.А. Проблема «искусство и культура» в творчестве Т. Манна, Г. Гессе, Р. Музиля // Искусство в системе культуры. – Л., 1987. – С. 237-244
- 12 Белобратов А.В. Концепция культуры в творчестве Роберта Музиля // Литература в контексте художественной культуры. – Вып. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 76-85
- 13 Исупов К. Г. Роман-эпитафия (Образ истории в романе Р. Музиля «Человек без свойств») // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX – XX веков: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991. – С. 78 – 85.
- 14 Н.А. Хрусталева Роман Г. Броха «Неизвестная величина» и «новая деловитость» // Литература в контексте художественной культуры. – Вып. 1. – Новосибирск, 1991. – С. 66 - 76